

**ПОСТРЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА И ПРОБЛЕМЫ НЕЛЕТАЛЬНОГО РАЗРУШЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ****С.Ю. Солодовников**

Белорусский национальный технический университет, solodovnickov-s@tut.by

В конце 80–х – начале 90–х годов прошлого века в отечественной науке значительно снизился интерес к исследованию фундаментальных, основополагающих категорий. Это породило в белорусской экономической теории засилье «мелкотемья», у многих, в том числе безусловно талантливых и грамотных ученых, возникло стремление изучать очень мелкие детали огромного здания, именуемого «экономической системой общества», даже не задаваясь вопросами: как устроено здание в целом? каковы принципы его работы? что надо сделать, чтобы планируемые преобразования усиливали жизнеспособность социума? Некоторые ученые–экономисты, а вслед за ними ряд представителей СМИ и отдельные политики предлагали на веру принимать утверждения о необходимости механически заимствовать постулаты западных «экономиксов», безраздельно уповав на свободную конкуренцию. Как следствие, в экономической теории начали появляться работы, исследующие не реальные, а виртуальные социально–экономические отношения. Становятся популярными модели экономического роста, ориентированные на рост потребления и вещного накопления без учета необходимости поддержания экологического равновесия, социальной справедливости и устойчивости инновационного развития в целом. Причины этому были как объективными (резкая смена на рубеже 80–х – 90–х годов политической системы общества, сопровождаемая величайшей геополитической катастрофой XX века – развалом Советского Союза и резким сокращением уровня жизни населения, разрушением кооперационных связей на постсоветском пространстве и т.д.), так и субъективными (невозможность быстрого создания альтернативной очевидно не работающей марксистско–ленинской политэкономии новой экономической теории).

Непонимание феноменологической природы рынка, наделение его какими–то сверхъестественными свойствами не позволяет многим нашим доморожденным пророкам от экономики уяснить азбучную истину: рынок, так же, как, например, молоток, не представляет нечто божественное, а является всего лишь инструментом, придуманным людьми для облегчения их жизни. Если кто–то пытается молотком резать стекло или при помощи рынка решать нерыночные проблемы, глупо пенять на молоток или рынок. Глобальный институциональный кризис капиталистической экономики, проявившийся через финансовый, экономический, сырьевой и прочие кризисы, отрезвил многих ученых и политиков. В мировом сообществе усиливается понимание необходимости провести ревизию принципов функционирования современных экономических систем, в том числе и по иному взглянуть на роль социальных факторов в экономике. Было бы неправильно говорить о том, что ранее такие попытки отечественными и зарубежными обществоведами не предпринимались. Естественно, они были, причем достаточно удачные, но зачастую либо игнорировались научным сообществом, либо заглушались громким хором либералов–рыночников. В связи с этим, по нашему мнению, существует необходимость сделать ряд замечаний, поясняющих наши взгляды на рынок как на один из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей, в частности, снижать трансакционные издержки. Такой подход должен позволить объективно (без внеисторической морализации) рассмотреть границы целесообразного применения рыночного инструментария в экономической системе общества во взаимосвязке с глобальными и национальными цивилизационными тенденциями, институциональной матрицей, материально–технологической средой, экологическим императивом, балансом социально–классовых интересов, социальным капиталом и формами его капитализации.

Сегодня широко используется понятие рынка как формы хозяйства, рядом с которым располагается неоклассическая экономическая концепция «идеального рынка», подразумевающая, что обмен осуществляется автоматически, без каких–либо сил трения. За счет такого методологического приема происходит превращение рынка из реального объекта в аналитическую модель с достаточно абстрактными основаниями. Кроме того, в этой модели социальным условиям отводится роль внешних факторов или сил трения, которые снижают эффективность саморегулирования. Таким образом, живые люди, индивиды выбрасываются из предмета экономической теории. Им на смену приходит некий абстрактный «экономический человек» с достаточно примитивными потребностями и мотивами, которые легко могут быть переложены на математический язык.

Если исходить из критериев логичности и аргументированности доводов участников дискуссий о коренных методологических пороках маржинализма, неоклассики и т.д., то доказательств этому

предостаточно. Вместе с тем неправомерно сводить все разногласия относительно природы рыночных отношений лишь к поиску научной истины. Ученые–экономисты тоже люди. Они родились и воспитывались в определенной социально–культурной среде, обладают мотивацией, различными потребностями и интересами, наконец, их исследования финансируются из различных источников (и в свою очередь, у субъектов, которые их контролируют, в свою очередь есть вполне реальные экономические потребности и интересы) и т.д. Таким образом, по нашему мнению, научное сообщество фаталистически обречено не только на постоянный поиск объективных закономерностей развития общества и его экономической системы, но и на выделение «ложных» концепций и преднамеренных концептуальных упрощений, обслуживающих глобальные экономические интересы вполне конкретных государств, классов, социально–экономических групп и индивидов.

Для всех, или почти для всех белорусских независимых экспертов и, к сожалению, для части представителей экономической науки, характерно методологически абсурдное противопоставление таких понятий, как план и рынок. Но ведь это не парные категории. Экономика может быть либо плановой, либо хаотичной (саморегулирующейся), либо сочетать в себе компоненты плана и саморегуляции. С другой стороны, хозяйство может быть либо натуральным, либо рыночным. Обмен также может осуществляться либо натуральным образом, либо с использованием товарно–денежных отношений. Иначе говоря, спрашивать, является ли экономика плановой или рыночной, так же безграмотно, как задавать вопрос, какой стакан: стеклянный или красный?

Современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века. Понимание этого в зарубежной экономической науке нашло свое выражение в возникновении большого количества концепций, претендующих на системное описание современного высокотехнологического общества, что привело к возникновению таких понятий, как «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество знаний», «технотронное общество», «сетевое общество», «экологический постиндустриализм» и т.д. Для большинства из названных подходов характерен технологический детерминизм. По нашему мнению особенностью нового этапа развития экономических отношений является радикальное изменение механизмов организации обмена между производителями и потребителями. Рыночный сегмент, длительное время господствующий в экономически развитых странах, становится периферийным. Для пострыночной экономики характерно наличие высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет технологий и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы. Собственно говоря, важнейшим отличие рыночной экономики от пострыночной экономики и выступают новые общественно–функциональные технологии, применяемые в конкурентной борьбе. Прежде всего – это общественно–функциональные технологии, направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов.

В настоящее время общественно–функциональные технологии, направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов, из сферы военно–политического противостояния естественным образом пришли в сферу политико–экономической конкуренции. В литературе все чаще и чаще стали встречаться новые понятия «информационное оружие» и «информационная война», которые, в сущности, означают революцию не только в военном искусстве, но и в сфере компьютерно – информационных технологий. Часто за этим скрываются принципиально новые формы противоборства, в которых победа, «подавление противника» будет достигаться не с помощью классического (даже ядерного) оружия и традиционных способов ведения войны, а путем массированного использования информационного оружия. Многие аналитики технологически развитых стран считают этот вид оружия «решающим фактором владения современным миром». Национальные информационные ресурсы сегодня составляют все большую долю национального богатства в развитых странах. «Информационное оружие», сейчас называют «Троянским конем XXI века».

Появление информационного пространства привело к появлению желающих не только поделить это пространство, но и контролировать и управлять процессами в нем происходящими. Для этого используется так называемое технико–ориентированное информационное оружие, которое подразделяется на то, которое направлено против компьютерных систем и способствует всяческой трансформации информации в пользу информационного агрессора. Оно выступает в таком случае в качестве средства уничтожения, искажения или хищения информации; средства преодоления систем защиты; средства ограничения допуска законных пользователей; средства дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем. В отличие от технико–ориентированного ин-

формационного оружия, информационное оружие как общественно–функциональная инновация представляет собой такой вид информационного оружия, который подвергает воздействию определенные группы социальных субъектов с целью навязывания им нужного манипулятора социально–экономического поведения.

Возникновение кибернетического пространства ознаменовало собой начало эпохи информационных войн. Это можно объяснить тем, что с появлением все более и более усовершенствованных компьютерно–информационных технологий, ведение информационной войны становится в разы быстрее и является более эффективным воздействием на социум. Так как хозяйствующий субъект уничтожается нелетально, а значит победа в информационной войне является «алгоритмически неразрешимой проблемой». Самая главная задача применения информационного оружия состоит в том, чтобы заставить противника направить имеющиеся у него средства, в том числе технические, против самого себя. Информационное оружие второго типа направлено против социальных субъектов и включает в себя «не силовые» методы борьбы такие, например, как сборку, так и разборку социального субъекта.

Для сборки и разборки социального (квази–социального) субъекта сегодня используется информационное оружие, под которым понимается средство ведения современной нелетальной войны. Оно обеспечивает идентификацию и поражение противника с помощью информационных концентраторов различных конструкций (традиционное СМИ, сетевые гипертекстовые концентраторы и т.п.). Позволяет оказать влияние на социальный субъект, приводящее к блокированию его социальных действий (социальной активности). Позволяет эффективно перераспределять (переделить) материальные ресурсы (изменить отношения собственности) без нанесения повреждений самой собственности.